

РЕЦЕНЗИЯ

на исторический роман Сергея Мосина "Невский" (621 стр.)

Герои Невской и Ледовой битв, новгородскому и владимиро-суздальскому князю Александру Ярославичу, прозванному Невским, (30.V 1220 - 14.XI 1263) не слишком повезло в художественной литературе. Романы А.Игола "Разборцы" и А.Субботина "За землю Русскую!", киносценарий П.А.Павленко "Русь" (для фильма "Александр Невский"), повесть А.С.Потресова "Путем Александра Невского" да беллетризованный слегка очерк В.Т.Пашуто "Александр Невский", дважды изданный в серии "Жизнь замечательных людей", - вот, пожалуй, и все, чем располагает на сей день советская художественная проза.

Написав роман "Невский", Сергей Мосин тем самым в какой-то мере удовлетворяет настоятельную потребность советского читателя в историческом романе на эту тему.

Произведение Мосина посвящено бурному и тревожному периоду русской истории от первого появления татар до Ледового побоища (1223 - 1242); задуман он как широкое эпическое полотно славного двадцатилетия, в котором повествуется не только о жизни и деятельности князя Александра. В этом взволнованном рассказе - быт и нравы русского народа от смерда до великого князя и от монастырского служки до владыки. В центре романа - образ Александра Невского. Романский Александр это героический характер, формирующийся и закаляющийся в борьбе с трудностями, испытаниями, невзгодами, выпавшими на долю русского человека в тяжелый час. Это образ народного вступника Руси, острым мечом и мудрой политикой отстаивающего независимость - "дабы Русскую землю не терзали, не грабили" (с.220). От романного Александра веет эпичностью и монументальностью как и от его летописного протобраза. Психологизм здесь отступает на задний план, хотя в романе и показаны и душевные движения и волевые акты героя. Нет здесь

1 См. В.Н.Татищев. История Российская, т. III.

ни душевных сомнений, ни острой внутренней борьбы с самим собой, ибо их не было у летописного прототипа. В этом романе Александр облизывается с образами могущественных князей древнерусской литературы — Владимира Мономаха, Святослава Киевского, Ярослава Осмомысла, Всеволода Большое Гнездо, Дмитрия Донского, Ивана III, Ивана Грозного. Князья эти сильны "на разяк", страшны поганым, к людям милостивы и справедливы, всеми славимы.

В отличие от летописца Сергей Мосин поднимается до нового понимания "правды жизни", до классового понимания княжеского образа той эпохи и показывает его жизненную противоречивость — амбициозность поведения, жестокость, обусловленную принадлежностью к сословию князей-феодалов. Под пером романиста это вместе с тем и человеческий образ со всеми его слабостями и недостатками — добротой и увлеченностью, мудростью и прямотой, решительностью и храбростью, самоотверженностью и справедливостью и т.д.

В романе действуют многие персонажи, чьи характеры написаны иногда одним коротким мазком, иногда более обстоятельно с применением всей палитры художественных красок. Это родители князя, его воспитатели, учителя, сподвижники игор и забав, слуги, воины, помощники. Запомнились в романе образы типичного воеводы своего времени, хозяина княжеских столов монашеского Ярослава — его отца, нежной и заботливой матери Феодисии, верного слуги, потом телохранителя Ратмира, преданного Давыда, храброго Сбыслава, забавного Сави-летуна, таловатого Прохла Гостыни, посадника Степана Твердиломанча и др. Без них образ Ивского героя не состоялся бы, поблек, остался бы нераскрытым, ибо не только деланным героем или "лицом Древней Руси". Плоть от плоти народной, вообразивший в себя самый дух народа, его чаяния, нужды, "монетом конины вкормленный" — таким предстает перед нами доблестный Ярославич на страницах романа. Неразрывность судеб Русской земли и измененного пути князя чувствуется на всем протяжении книги.

Композиция романа зависит от главной идейно-эстетической задачи произведения. Последняя диктует, предопределяет художественные приемы композиции. Сергей Мосалин не гонится за кинросплетенной интригой. Он как летописец воссоздает из отдельных кусочков "художественной смальты" широкое мозаичное художественное полотно романа. Развитие действия зависит от биографической канвы героя и от истории Руси. Олицетворенный образ последней нисходит со страниц романа "через" деятельность новгородского князя и "через" рассказы о страшных событиях второстепенных персонажей романа — "течцов", князей, военачальников, воинов, слов и т.п.

В романе заметен принцип нарастающего действия, развивающегося по принципу эпического повествования: медленный ход событий в начале, затем их течение убыстряется и достигает апогея в самом конце (а не в середине). Спокойные мирные картины детства сменяются тревожными картинами поры юности и возмущения, вместо охоты — битвы и столкновения, вместо игр — суды и расправа. При этом скрепящую, организующую роль играет в произведении диалог. Их много, и от того роман становится живым, действенным произведением, похожим на саму жизнь.

Авторская речь кратка, лапидарна, проста, лишена внешних эффектов, туманных периодов, утомительных детализированных описаний, стилистических ухищрений. Повествовательский стиль Мосалина в известной мере противопоставлен избыточному стилю некоторых современных романистов, богатых ненужной вычурностью (см. Д. Балашов Господин Великий Новгород и военно-исторические романы В. Пилуля). Авторская речь органично входит в повествование, скрепя диалогические части произведения в единый комплекс.

Все это несомненные достоинства романа.

Удачны все новгородские и батацкие сцены. От рассказов о Новгороде веет духом новгородской вольницы в ее вечном борении про-

тив самовластия великих князей.

Следует особо отметить хорошее знание автором русской истории и ее источников, особенно, летописей, разных редакций **Жития** Александра Невского, произведений русского фольклора — былин, исторических песен, пословиц и поговорок, народных заговоров, духовных стихов. С. Мосин хорошо знает древнерусскую литературу. Нравственный мир героев его романа искусно соотнесен со "Словом о полку Игореве", "Словом о законе и благодати Илариона", "Сказанием о Борисе и Глебе", "Поучением" Владимира Мономаха, "Молением" Даниила Заточника, алегриями и легендами. Персонажи уносят свою речь народным юмором, пословицами и поговорками древнерусскими словами, образами заимствованными либо из фольклора, либо из древней литературы. Знание автором быта впечатляет. Однако это стремление как можно полнее донести до нас "колорит эпохи" приводит иногда к издержкам. Так, в частности, интересные сами по себе, многочисленные сцены княжеской охоты и рыбной ловли в первой части кажутся излишне затянутыми, уводят от основной сюжетной линии. То же можно сказать и о некоторых других главах, где рассказывается о посещении монастыря и опальном Данииле Заточнике, глава "Я за князя" и др. Следует ли их сократить или оставить — дело автора. Честно говоря, у меня не сложилось категорического мнения на этот счет. Справедливо считать, что в них заложена ценная художественная информация и что они, в конечном итоге, "работают" на главное, хотя и удлиняют роман.

А вот заглавия произведения следует коснуться особо. Роман лучше назвать выразительным и точным "Александр Невский". Заголовок "Невский" мало что говорит: мало ли наименований "Невский" за долгую российскую историю? А вот Александр Невский один и он всем известен.

Кстати немного о происхождении это о прозвания. Автор романа--

на, конечно, имеет право на "художественное домысливание": у него "Невский" князь прозывают дружинники сразу же на поле битвы 15 июня 1240г. Однако, на самом деле вряд ли было именно так. Исторические источники XIII века не знают этого прозвания. Нет его и в первой редакции Жития, написанной владимирцем, сподвижником князя, в 1280-ые годы в месте последнего упокоения князя Александра, ставшего вскоре местом сосредоточения всех легенд и преданий о нем. Источники XV века уже знают за этим громадного роста человеком ("Давно целова!" ...) прозвания "Храбрый" и "Невский". (жития, НЛ, СЛ). Когда же в народе распространилось это прозвание, а потом народная молва соединилась с литературным преданием, мы точно не знаем. Но очевидно - после XIII века

На чина со стр. 560 князь уже именуется "Неваким" и только так и не иначе. Это коробит. И вот почему: исключительно скромный в жизни, Александр Ярославич никогда не допускал по отношению к себе ни малейшей фамильярности, тем более не мог ни считать себя "Невским", ни откликаться на прозвание. Откуда ему было знать, что через несколько столетий это прозвание станет более славным и общепринятым по сравнению с его родовым прованием "Мономахич", которым он тогда очевидно гордился больше!

Предлагаю: сохранив на с. 560 гипотезу автора и слово "Невский", затем вернуться к прежнему - "князь Александр", "Ярославич", или просто "князь".

Важательно было бы исправить и некоторые подзаголовки главок. "Самый лучший пес" - так не говорили в древней Руси. Эпитет "лучший" прилагался к человеку или к чему-то высокому, например к храму - "благолепие церковное", но никогда ко псу. Пес обычно добрый или злой, или с бранными эпитетами. Здесь лучше: "Преданный пес" или "Верный пес".

Кн.2, гл. 4 - "Явление татар перед Владимиром". Так не говорили в древней Руси. Слово "явление" употреблялось по отношению

к небесным и чудесным силам, к святым например. По отношению к вражескому войску "явление" не говорили, обычно - "Приход" или "Прожождение". Здесь лучше: "Вражий стан под Владимиром".

Кн. 2, гл. 30 "Где бысть сече" - так в древней Руси не говорили, только - "Где бысть сече".

Роману в целом явно нехватает концовки. Он обрывается как бы на полудраге. Плачет князь Александр по убитым и раненым. Тосклива и жалостна картина всеобщей скорби. А между тем в действительности было иначе: потери русских были ничтожны по сравнению с потерями врага. Было убито много рыцарей, 50 было взято в плен и их босыми ногами по льду озера и по заснеженным дорогам до Псковского кремля (обычная жестокость того времени). Орденов рыцарей было всего около 200, потери для Ордена были ощутимы. А князев пако без числа, 7 верст до Суболицко о берега (в романе этот берег назван иначе, не точно) гнали их русские войны, не беря в плен, убивая без милости, другие проваливались на тонком льду сеговицы и тонули.

Концовка в романе должна быть оптимистичной. Это подсказывается и логикой развития событий в романе, и логикой самих исторических событий. Можно было бы использовать рассказы книги и летописей о торжественной встрече победителя в Пскове и его речи к половецям, реальной из Псковской 2-й летописи - а не выдуманной малюком П.А. Павланко. Дело автора, как это лучше сделать. Ярославич ведь только укорил псковских бояр за измену и потребовал от половецкой дояльности к князьям Владимирского Дома на будущие времена. В концовке было бы желательнее сложить небольшой гимн Русской земле по модели всесветной славы как в Книжке Александра Невского (после Ледового побоища) или как в "Слове о полку Игореве" (слава Святославу Киевскому) или как в "Задонщине" (слава Дмитрию Донскому). За читательными отроками "Слова о погибели Руския земли" можно было бы закончить роман.

В диалгах и расписках персонажей романа встречается немало древнерусских и диалектных слов, что, с одной стороны, по мнению автора, придает произведению неповторимый архаический колорит и позволяет индивидуализировать язык персонажей, а с другой стороны, затрудняет восприятие текста особенно для иностранцев, незнакомого ни с древнерусским языком, ни с диалектами.

Например, что значит в романе следующие фразы и словосочетания: "Что не тупишка звал бабка", А?" (414), "Князь всталъ отлучается" (387), "перепажка чело" (доо) (518), "воли княжечел" (27), "приказ не к душе" (36), "англоположшица" (208), "пожглися" (248), "вели покоинок ^и язык смеюи" (521). Даже люди светушие в древнерусском языке, не могли бы понять, о чем здесь говорится. Внз Горький, участвуя в дискуссии 1930-х годов в лозке, справедливо заметил по поводу романа Цандерова "Бруски", что буквальный воспроизведение диалектных выражений не означает глубокого проникновения в народную речь. Писателю

Из произведений необходимо было бы убрать хронологическую сетку. Это не роман-хроника. Последовательность событий в нем должна другая, чем в действительности, отдельные драматичные моменты сочинены. Хронология была бы ум стеной во Вступительной статье к роману, которая должна быть написана историком и лингвистурологом, специалистом по данному периоду. Такая статья могла бы помочь "введенно читателю в роман", кратко рассказать об эпохе и поведать о том, о чем роман не поведает; предисловия Новгородской рукописи, татарского завоевания и немецкой агрессии. Без этого вступительное введение будет затруднено. Подробные предисловия стали обычными, лучшее например, из них написано московским профессором С. Петровым к роману Л. Фрейлиха "~~Куршский холм~~" (1956).

Решение перейдем к юридическим замечаниям, цель которых одна: помочь автору улучшить и поработать текст своего произведения.

следует не столько фиксировать отдельные слова, сколько воспроизвести дух народной речи.

В этой связи не имеет ли смысл не только облегчить лексику романа "Александр Певский"? А к тем малоизвестным и неизвестным словам, которые автор сохранит в своем тексте, не имеет ли смысл дать под строкой соответствующие пояснения?

В некоторых случаях это сделано Сергеем Москвичем, но далеко не во всех. Так например, примечаний нет на следующих страницах: 101 - кунк (но есть на с. 370), 1 - тарарусь (ср. на с. 386 - тарарусель также без пояснений), 1 - поганий (не сказано, что им ктся ввиду степняки-кочевники, татариков называли после 1054г. лятинами), 3 - холщю, соромь, 4 - риза, 5 - слуца, 11 - гривня (здесь надо поточнее определить размер гривни, или перенести это во Вступительную статью), 12 - кириллица (откуда это слово? М.б. сказать в Предисловии), 38 - человек в холстяне (что такое холстяня?), 40 - глум, 63 - тороках, 65 - гнуча, 66 - истсбга, 87 - стрья, 104 - вэска, 112 - ратайный староста, 113 - вець, 138 - бретьяница, 139 - игрений, 146 - огнего (или стчеге?), 151 - вабылю, 152 - вачик, 162 - хлуд, 178 - резана (размер?), 180 - "калеки прекохне", бирчи, 182 - поворавами, бармицами, 183 - прапор не просто флаг, а возный флаг, 187 - солю, 238 - рухвць, 243 - дутик, 292 - порьянь, 377 - сандовь, 431 - пороки, 447 - кумя, шала, пойма.

И при сохранении в романе всех древнерусских слов и словосочетаний, проблема индивидуализации речи персонажей в романе осталась нерешенной. Редко кому из писателей, пишущих на древнерусскую тематику, удается решить проблему языка. Вспомним хотя бы неудачу многотомного романа В.И.Лавинского "Иван III". Курс на наслыщенность, избыточность древних языковых форм не всегда оказывается оправданным.

К ленинградским словам необходимо относиться бережно и

строго, не допуская употребления никогда не существовавших слов и придуманных словосочетаний; не правомерен и лексический разнобой. Так например, автор употребляет следующие парные формы одних и тех же по значению понятий:

тарела и тарелка с. 40, 96, 123, 136, 556

лава и ланка с. 74, 203, 284, 393, 395, 408

Ср. с. 343. Проверить употреблялся ли в древней Руси термин "лава" для обозначения атаки отряда конницы.

порты и портки с. 2, 10, 36, 84, 322, 545.

Кстати, в последнем случае не ясно, что имеется в виду "одеяла" (порты) или "штаны" (портки). Штаны некогда не назывались в древней Руси портами, а только портками.

гриди и гридни с. 239, 281, 315, 439, 457, 465, 478, 490, 517 и
мн. др.

Правильно только гридь и гридня. И Суффикс "н" — показатель принадлежности. Поэтому — гридняца это команда гридей, воинов, и гридни — это что-то принадлежащее гридю, т.е. воину. Удивляет, почему у автора воин везде называется гридня. Этот термин, бывший в ходу в IX — XI вв., к XIII веку уже устаревает. Чаще говорили воин, дружинник, ратая, храбор, а гридни — почти никогда. Почему бы автору не заменить архаическое и неподходящее к эпохе "гридь" на более современное?

лепо, лешый и добро, добрый, с. 14, 18

Первой парой автор часто пользуется а о второй забывает. Между тем, добро и добрый было более употребительным в обиходе.

сени и горница с. 20, 124, 392 и мн. др.

Создается впечатление, что автор не чувствует разницу между сенями и горницей, сенами и гридняцей, сенями и светлицей. Ведь сенями называлось в древности помещение между светлицей и избой.
Опыт повествования
(см. Успенский, О древностях русских № 4. I. 1818).

Автор в большинстве случаев имеет в виду светлицу, а не сени.

Напр. на с. 401.

Это не одно и то же. Холоп — раб, продавший себя за "купю", челядин — дворовый слуга, человек свободный. В романе нет четкой разницы и неясно, когда имеется ввиду холоп, а когда челядин. Чадь — не обязательно холоп (с. 4), чадь — от чада, т.е. дети, покровительственное обращение феодала к зависимым от него людям.

Сечель — январь

снежень — февраль

сухий — март и т.д.

Названия месяцев даются в начале книги славянские, а со 1717 стр. и до конца — латинские. Необходимо соблюсти единообразие.

Встречаются сомнительные слова — тарарусь (с. 1), совалчим (123, 124), навелич (с. 145), лешее (с. 9, в древней Руси говорили лешие), муже (с. 77; если их двое — то "мужа", много — "мужи"). Речет слух и портит зрение часто склоняемое на страницах романа ику, иких, ике и т.д. Да, так говорили на Владимирщине. Но так было в древней Руси? А в Новгородѣ. Лучше убрать.

И еще. В романе неправильно употреблено слово "пергамент" для обозначения писчего материала. Общеизвестно, что тогда все писали на бересте и на пергамене, а в пергамент в XX веке превращают селедки!

Надо бы отметить и некоторые исторические несообразности романа, написанного вообще-то знающим историком:

1. На с. 518 утверждается, что князь "перепыхал" Битгеру "чело" т.е. лоб (Что же от лба осталось?) Но вопрос в другом. Почему автор игнорирует показания всех источников, в том числе летописей и книги о том, что шведский предводитель был ранен ударом копья в щеку. Автор Битгия даже намекает на обывай Римлян (так он называет шведов) клеветы своих рабов и плененцев, что князь Александр палочкой печатъ из лица норвега части Римской."

Попутно отметим, что вокруг имени шведского предводителя ведутся споры: сомнительно, чтобы это был Битгер, в 1240 году

муж сестры короля Эрика Эриксона еще не был графом (см. Паскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII - XIII в. Л., 1978).

2) Посаждение юного князя на кони происходило в возрасте 8 лет, редко - 7. Однако автор приурочивает посег к 1223г. Это явная натяжка, если учесть, что юному Александру тогда было всего лишь три года! Александр приехал с отцом в Новгород в 1228г. по летописям (см. Рапов О.В. Князевские владения на Руси в I - первой половине XIII в. МГУ, 1977). Это правильно: после посага в 1228г.! Далее на с. 7 несколько необычной выглядят резвость, активность 3-х летнего дитяти. Его слова и речи достойны отрока. Может быть, здесь допущен нарочитый художественный прием, гиперболы? Но если говорить не в полном серьезе, перед нами явное преувеличение. Далее на с. 20-21 гонец от Василька рассказывает о битве на Калке - 31 мая 1223г. Значит, все еще длится 1223-й год? Александр проявляет сметливость не по летам. Да и силы ему в три года не занимать-стать!

3) На с. 25 неточно говорится о переветчилах. Они находились не в стане русских воинов. Воевода Плюскин был главой русских бреднигов, общины на Дону, он служил половцам, а потом татарам. Это он уговорил наших князей сдаться татарам, обещав, что им сохранит жизни.

4) На с. 172 - Иона-на-Опоках явная оплошка. Надо: Иоани-на-Опоках.

Переходим теперь к постраничным замечаниям:

С.2. Ингвара, от Ингверъ, значит веде - Ингваря. Это имя встречается еще несколько раз. Необходимо единообразие. См. с. 399 - Ингваря.

С.3. Всеволодович - официально. В ходу была и другая форма - Всеволодич (как Ярославич). И.о. всюду заменить на Всеволодич?

Здесь не хватает краткого описания внешнего вида Ярослава (в других случаях такие описания даются; источники - летописи, Татищев и икона, где изображен кн. Ярослав).

С.4. Симон - один из авторов Киево-Печерского патерики, один из образованных людей своего времени.

Об иконном убранстве и фресках храма ничего не сказано. Жаль.

Автор мало пишет о храмах Софии и Псковском - Троицы, между тем в них молился Александр накануне решающих битв.

С.13 - Кто был Владимир Монамах?

С.15 - Почему церковной? Были ли в то время не церковная азбука.

С.13,15 - Сколько же букв в кириллице 40 или 42?

С.16 - Переяславль Русский?

С.17-18 - Юношу звали Ян Усмошвец. Бросив пиченеге о́зъемь, он перерезал ему горло ножом.

С. 18 - Не лучше ли вместо лено - добро?

С. 21. Объяснить., кто такие татары и откуда они взялись. Ведь это монголы, народ Гог и Магог русских летописей (см. под 1223г.).

С. 42. В рассказе о Святославе не хватает "иду на вы!", хрестоматийного факта, связанного с нашим восприятием этого героя.

С.48. Пир без явств. Также неинтересно описаны в романе и другие пиры. Что ели в древней Руси? Об этом есть огромная литература.

С.117 Не лучше ли "небось", чем "эвось"?

С.161. Почему "животе"? Строков двое?

С.175. Может быть дать краткое описание убранстве Святой Софии?

С. 178. Перед словом "струятся" пропущено "меха".

С. 182. При описании оружейных товаров пропущены самые ходовые -

Без них беден оружейный базар.

С. 183. Язык старины о Святославе современен. Почему трепетала вме-
сто трепетаху, бегел вм. бегеше, ведех вм. ведеше и т.д.?

С. 190. Не использован рассказ Яна Вышатича из Повести временных лет
под 1071 г. Там есть о богах язычников, сидящих в бездне.

С. 194. "Усиление влияния" - сказано по-современному, не ложится в
"древнерусский контекст" романа. То же на стр. 209. Заменить.

С. 194. Толеса у змеи? Туловище и хвост!

Нет ничего о Хутынском монастыре и его основателе. Каль.

С. Бестия - поздний латинизм неуместнее ли здесь в древнерусском ду-
хе: "Ишь, лис..." Ср. с. 207.

С. 205. Слова "книгоположница" Русь не знала. В ходу было - книжница

С. 210. А репа? (сковкой продукт питания наряду с рожью.

С. 217. Коляска - неуместно. Позднее слово. У Вас ранее было - колес-
ница. Можно также - кола, т.е. повозка.

С. 228. Окрепения? Не лучше ли "сторска"?

С. 230. Бывало, что Волхов тек вспять. В Новгородской 3-й летописи
под 1421 г. есть интересный рассказ о привождении.

С. 242. Откуда 21 апреля - Фомина неделя? Фомина неделя - первое
воскресенье после пасхи, а пасха - имеет скользкую дату.

С. 255. Продавцы изображены неплохо. А как насчет "калек переходящих".
Они в ремане уменьшаются.

С. 281, 287 - дружану вм. грядь.

С. 288. Лядоудам? Такого слова не было. Не лучше ли "человекоудам"

С. 293. Приближалось лучше, чем наблизалось.

С. 293. У венря плече? Можно понести точно?

С. 294. Корее? Такого слова нет.

§ Добрий удар вм. лепий удар.

С. 353. Может быть, сказать, что Юрьев город нашенский, основанный
еще Ярославом Мудрым? Или во Ветун. статья?

С. 376 и 449. Снять ругательство. Калге - юношей!

С. 377. Приходи иберто иривдене слова широкоу вестной калге
калге

Надо "Ий дяд-ладо"

С. 381. Лучше "зонки", чем "шры". В древней Руси шары - цветные краски!

С. 388. "Интересы Русской земли" ? В устах князя звучит как модернизм! Обязательно заменить сходным словом. Ср. в Повести временных лет под 1097 и др. годами Владимир Мономах в заботах о русской земле - постереча о ней, покажьтеси, чтоои свеча не погасла. Хорош образ лампады или свечи вечно горящих - они горят и Русская земля живет и славится!

С. 390. Снять "Нависло неумолими татарское иго". Стать!

С. 396 . Не лучше ли "весть" вм. "ведомость"?

С. 402. Под Коломойей были устроены надолбы - заводы из бревен в чистом поле. См. Ростовскую летопись под 1237г.

С. 403. Бремен.

С. 406. Осажденные не только дали горячий кипяток, они бросали также тяжелые камни и катали толстые бревна на головы осаждавших. Потому воеводе мог позаботиться и о камнях.

С. Тучка, Тучковы - поздняя московская фамилия. Нельзя ли найти боярину другое имя?

С. 411. Не лучше ли "по.." вм. "согласно"

С. 421. 2-я строка от конца надо "Истиславу" вм. "Истиславе".

С. 427. Не лучше ли добро вм. лепо?

В. 438. "В грудях теи погубших".

С. 458. Не лучше ли "порубила" вм. "вырубила"?

С. 459. Кость стоит в горле, а не сидит. "На этом самом" исключать.

С. 469. Жене Александре звали Вессок. Но м.б. это вообще монашеское имя, под которым она похоронена.

С. 471. Не лучше ли "Кек" вм. "Ака"?

"Ака союзное слово сравнения, а не вопроса.

С. 473. Кежинный.

С. 475 и далее, с. 502. Домани - такого имени не существует. См. святцы, посковские и новг. летопись. Правильно "Даман или Дамьян,

в мш. - Дамьян.

"Александр Невский" может быть вполне рекомендован к печати. Стоит подумать о выпуске романа двумя отдельными частями "Тысячу" и "Князь" с Предисловием или Вступительной статьей историка в I-й части. В качестве иллюстраций могут быть использованы великолепные красочные миниатюры работы московских мастеров середины XVI века из Московского Лицевого летописного свода. Они превосходно смотрятся и вписываются в текст романа.

Научный сотрудник Института русской литературы
(Пушкинский Дом) АН СССР, кандидат филологических
наук, доцент истории СССР

Ю. К. Бегунов

/Ю. К. Бегунов/

15 ноября 1979г.